

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Погода для начала октября была просто загляденье. Деревья еще не растеряли лиственный покров, радовали глаз палитрой осенних красок. Зеленела трава, по небу, старательно огибая солнце, плыли перистые облачка. Полдень не особенно жарил, но температура держалась комфортная, отсутствовало желание развести костер и закутаться в несколько плащ-палаток. Смущала серая хмарь, возникшая на северном небосклоне, но через час-другой она могла рассеяться. Но сегодня красота российской осени не умиротворяла. Командир взвода полковой разведки Глеб Шубин медленно приподнял голову. Душевный покой остался в прошлом. Дискомфорт вносила несмолкающая канонада на юге, а живописный пейзаж портили немецкие каски, скользящие над гребнем косогора.

На вражеский пост нарвались случайно — когда сползли с покатою, изрытой буераками горки. Шубин категорически запретил вставать — слишком открыто все. Кошкин ворчал

под нос: «Рождены летать, а постоянно ползаем!» Меры предосторожности оказались не лишними — пост засекли и мгновенно застыли. Ситуация штатная, но пришлось понервничать. Отступать некуда — стоит податься обратно на горку, и за жизнь четырех разведчиков не дашь и ломаного гроша...

Шубин обернулся — такое ощущение, что шейные позвонки хрустнули на всю округу! Разбитной паренек Леха Кошкин пристроился справа, метрах в семи, заполз в канаву, где свернулся вчетверо и озадаченно моргал. Сергей Герасимов и Шлыков залегли значительно дальше. Складки местности позволяли оставаться незамеченными. И буро-зеленые комбинезоны, расшитые лоскутьями под цвет осеннего леса, служили хорошей маскировкой. Вопросы вызывали вещмешки, притороченные к спинам. Но если не всматриваться, то все нормально. До вражеского аванпоста было метров двадцать. Дозорные разместились в канаве, периодически выглядывали. Потом опять прятались и предавались размеренной беседе. Судя по голосам, их было трое. Мурашки поползли — такое чувство, что внимательный глаз из канавы смотрел прямо в душу. Напрягся палец на спусковом крючке ППШ. Но, кажется, пронесло — наблюдатель оторвал взгляд от бугорка, за которым притаился лейтенант Красной Армии, стал разглядывать сосед-

ние «достопримечательности». Этот глаз высывался в третий раз и ничего не замечал. Посыпалась земля — военнослужащий вермахта спустился к товарищам. За канавой, где сидели немцы, до плотного осинника простиралась глинистая пустошь. Дистанция — метров четыреста, то есть далеко. Справа все открыто, редкий кустарник. Слева тоже — хоть парад устраивай, далее — проселочная дорога, едва ли пригодная для перемещения боевой техники. За дорогой — глубокая балка в сторону леса. Ее хорошо видели с горки десять минут назад. До балки тоже даль немереная — метров полтора с гаком. На северо-востоке простиралась низина. В дрожащей дымке колыхалась бревенчатая водонапорная башня, крыши села Кольцово, потускневший от времени куполок церквушки — явный недостаток сельского партактива. Шубин готов был поклясться — не заглушай канонада все прочие звуки, они бы слышали и гул моторов, и людской гомон. В том, что немцы вошли в Кольцово, сомневаться не приходилось. Аванпост перед глазами — именно оттуда. Свято место пусто не бывает — передовые колонны немецкой бронетехники выдвигались на восток и, если отсутствовал приказ следовать дальше, занимали населенные пункты. Крупной группировки в Кольцово быть не могло — от силы танковая и пехотная роты...

Возникшая ситуация требовала решения. Обратного пути не было, обойти немецкий пост тоже не представлялось возможным. Глеб обернулся. Леха Кошкин — бойкий паренек из уральского промышленного района, обладавший неунывающим характером, продолжал изображать моргающий семафор. Паренек был храбрый, неглупый (невзирая на безнадежно пролетарское происхождение), инициативный — впрочем, последнее не всегда становилось достоинством. Зашевелились Герасимов со Шлыковым, первый накручивал глушитель на ствол ТТ, у другого глушитель уже был накручен. Бойцы переглянулись с командиром. Выбора не было. Поднимать шум — опасно. Глушитель — не бог весть, но все же гасит звук выстрела. Шубин оперативно прорабатывал варианты. Вылези из канавы все трое — и никаких проблем. Снять их с малой дистанции — дело техники. Но немцы сидели в своем укрытии, и выманить их было невозможно. Броском через открытый участок — риск отъявленный. Кто-нибудь услышит, среагирует, возможны потери. Но щадящего варианта, кажется, не оставалось...

Что произошло? Внезапно Кошкин стал жестикулировать: дескать, подождите с кавалерийским броском! Шубин напрягся — что опять придумал этот авантюрно настроенный товарищ? Леха сделал загадочное лицо, потянулся

за пределы своего укрытия. В руке образовалась сучковатая палка. Разведчик затаил дыхание, подался вбок и вытянул руку с палкой. Движение было быстрое — словно рыбак подсекал снасть. А потом Леха замер, затаил дыхание, стал медленно поднимать палку. Все, кто это видел, затаили дыхание. Леха был в своем репертуаре! Под камнем свернулась гадюка — весьма распространенное явление для средних широт! Тварь ядовитая, опасная. Кошкин ловко подцепил ее в средней части, и теперь она висела, перегнувшись пополам. От соскальзывания предохранял сучок в верхней части палки. Парень вел ветку очень медленно, избегая рывков. Змея еще не включилась в происходящее, плавно извивалась. Экземпляр был неплох — не меньше метра в длину, с большой головой, уплощенной мордой. Желтоватую кожу раскрасил контрастный рисунок. Выделялся светло-серый кончик хвоста — отличительный признак гадюки. И как мозги до такого додумались! Разведчики застыли, словно замороженные. Кошкин отвел за спину руку с извивающейся змеей, приподнялся на колено, прикинул направление и дальность броска. Парень волновался, бусинки пота блестели на лбу. В последний миг гадюка изогнулась, едва не соскользнула с палки. Из распахнутой пасти выстрелил длинный язык. Бросок — вьющаяся лента с красивым рисунком

на коже проделала дугу и приземлилась точно в канаве!

Переоценить последующий эффект было невозможно! Тварь свалилась фашистам на головы! Кто-то завизжал. Двое выпрыгнули из канавы, нарисовавшись в полный рост. Фактор неожиданности — на лицах, перекошенных от страха. Шлыков и Герасимов открыли огонь из пистолетов с глушителями. Извивались простреленные тела. Жилистый обер-гренадер рухнул на краю канавы. Второй свалился обратно в яму. Там кто-то барахтался, хрипел. Был еще и третий, но он остался в канаве, видимо, отбросил от себя гадюку. Это было скверно! Вся работа Кошкина могла пойти насмарку. Поднялись с Лехой одновременно, бросились вперед. В канаве хрипел человек — похоже, третий постовой боролся не только с гадюкой, но и со своим мертвым товарищем. Внезапно из ямы вылетела «колотушка», как «любовно» прозвали в войсках немецкую наступательную гранату М-24! Метателю что-то помешало — возможно, зацепил локтем скат канавы — граната сделала кувырок и упала в десяти метрах от разведчиков. Жар ударил в голову. Шубин повалился плашмя, заныли ребра. Ахнул Кошкин, упал ничком, потеряв пилотку. Остальные остались где были, — счастливики!

Секунды острыми шипами кололи мозг. Шесть, семь, восемь... Давно пора взорваться!

Забыл шнурок дернуть? Кинул с неотвинченным колпачком? Взрыва не было. Канава тоже молчала. Выждав еще немного, Глеб приподнял голову. Граната спокойно лежала, колпачок был отвинчен, на конце рукоятки болтался шнурок с роликом. Секунды жалили череп. Сколько их уже прошло? Не только советская военная промышленность допускает брак... Кошкин изнывал от нетерпения, тяжело дышал, облизывал сухие губы. Он начал привставать, сжимая ППШ.

— Товарищ лейтенант, уже не взорвется... Двадцать секунд прошло...

— Лежать, — процедил Глеб, — кто приказал вставать?

— Товарищ лейтенант, нам же рассказывали об устройстве этой хреновины... Если «колотушка» не срабатывает в течение тридцати секунд, то она становится неопасной, потому что жало ударника отводится от капсюля пружиной...

— Я не понял, мы сейчас умничаем, боец? Лежать, кому сказано? А ну, упал!

Кошкин предпочел не нарываться, прилег. В этот момент адское устройство и сработало — вопреки логике и всем техническим характеристикам! Хоть богу молись, что все лежали в этот момент! Осколки разнеслись по округе, взрывная волна ударила в плечо. У непоседы Кошкина

от изумления отпала челюсть. С «галерки» прозвучал сдавленный смешок. А вот теперь самое время! Шубин взлетел, как на цирковой сетке, бросился к канаве. С ее обратной стороны выкатился малорослый фельдфебель с проплешиной на макушке. Он пустился прочь, то и дело озираясь. В перекошенном лице не было ни кровинки. Фельдфебель протяжно завыл. Шубин бегло стрелял служивому под ноги. Фонтаны глины вырывались из-под ног, фельдфебель споткнулся, треснулся носом. Такую песню загубил со своей гранатой! Шубин перемахнул через канаву, где на дне скорчился мертвец, а рядом извивалась гадюка (спасибо вам, гражданка!), набросился на фельдфебеля, ударил ногой по бедру. Это место самое чувствительное в нижних конечностях. Бедняга зашелся хрипом, но все равно пытался встать. Шубин не возражал, схватил его за шиворот и двинул под дых. Противник согнулся, исторг рвоту. Подбежал Кошкин с багровой физиономией, за ним спешили Герасимов и Шлыков. Последний был невелик ростом, катился как колобок.

— Как он, товарищ лейтенант? — выдохнул Леха.

— Живой, но утратил боевые качества... Так, вы, двое, хватайте его за шиворот и гоните через дорогу, в канаву! Больше некуда, а тут скоро хай поднимется...

Работали дружно, без разговоров. В вещмешках — разобранная радиостанция 12-РП, но к грузу приспособились, действовали стремительно. Фельдфебеля пинали под зад, он прыгал, как горный козленок, защищался руками. Глеб орал ему на ухо доходчивым немецким языком, и, в принципе, фельдфебель слушался. Страх гнал его по буеракам, пленный почти не спотыкался. Он даже лидировал с отрывом и первым скатился в балку. На этом бег не закончился, он стрельнул глазами и понесся по пади оврага. В погоню припустили всем гуртом. Споткнулся Шлыков, безнадежно отстал, рассыпая жемчужины русского мата. Фельдфебеля не догнали, сам запнулся. Кошкин оседлал добычу, стал бить в зубы, пришлось оттаскивать. Несложно понять чувства советского разведчика. Фельдфебель выплюнул зубную крошку, закатил глаза. Его обступили, сели на корточки, стали разглядывать, как диковинную зверюшку. Пленник сглатывал, исторгал из горла нечленораздельные звуки.

— Как-то неправильно он использует дар речи, — подметил Сергей Герасимов, почесав ухо. — Может, добавим, товарищ лейтенант?

— Не трогай. Пусть отдышится и успокоится. Иначе он нам до вечера ничего не скажет.

— Успокоится? — хмыкнул Кошкин. — Ладно, нам не к спеху, можем и подождать.

— Леха, ну ты и ювелир, — подошел, прихрамывая, Шлыков, соорудил уважительную мину: — Надо же додуматься со змеей. Это какой же завихрень у тебя в мозгах?

— Не придумал ничего умнее наш Леха, — осканился Герасимов, — по присущей ему лениности ума, хм... А попал ты змеей действительно четко. Признавайся, Леха, как удалось? Со страха, что ли?

— Так я же футболистом был на заводе, — осклабился Кошкин. — Когда какие соревнования, пенальти надо пробить или штрафной, тренер всегда меня ставил.

— Seriously? — удивился Шлыков. — Ты руками в футбол играл?

— Ладно, хватит ржать, — поморщился Глеб, — талантливый человек во всем талантлив. Эй, господин фельдфебель, — он перешел на немецкий и потряс пленника, — вы уже отдышались, можете отвечать на вопросы? На вашем месте я бы перестал притворяться немощным, а отвечал бы четко, ясно и без запинки. Ложь не приветствуется, а только приближает вашу смерть.

— Пообщайтесь с этим доходягой, товарищ лейтенант, — поддержал Герасимов. — Невелика птица, но на безрыбье и этот сойдет. А мы народ темный, языкам не обучены, пока покурим, насладимся тонкими осенними ароматами...

— Никаких «покурим», — резко бросил Глеб. — Кошкин, остаешься здесь, следи за нашим другом, остальные на косогор и смотрим во все глаза. Появятся немцы — немедленно сообщайте.

«Язык» по заведенной традиции умолял не убивать, что-то бормотал о насильственной мобилизации, об отце, который при жизни придерживался социалистических взглядов и до самой гробовой доски был противником восхождения Гитлера на престол. Малые детки, больная мать — все это было предсказуемо и неинтересно. Впрочем, по существу фельдфебель тоже говорил. Его звали Манфред Гюнше, он проходил службу в 20-м армейском корпусе 9-й армии вермахта. Сегодня утром сводное формирование из танковой роты и мотопехотного батальона выдвинулось в район, заняло село Кольцово и встало до дальнейших распоряжений. Основные силы еще не подошли. Но вот-вот придут и ударят по правому флангу пятящейся к Вязьме 303-й дивизии русских. Именно этого опасалось советское командование! Какая жалость, что всего лишь фельдфебель! Но даже незначительные персоны обязаны что-то знать. В районе несколько дорог, пролегающих с запада на восток, качество покрытия вполне пригодно для танков, да и распутица еще не началась. Специалисты в штабе сомневались, что немцы будут использо-

вать ВСЕ проселки — так они распылят силы, а потом будут их долго собирать. Ударят в одном месте, вся мощь должна быть сосредоточена на узком направлении — они всегда так делают: формируют кулак, которым и пробивают стену...

— Я слышал, как офицеры разговаривают между собой... — бубнил Гюнше. — Получен приказ всем танковым подразделениям следовать через село... Старшиново... — Название населенного пункта немец исковеркал, но в целом было понятно. — Это три танковых полка, пехотная бригада... Но я слышал, что в селе Старшиново поврежден мост, это вызвало задержку — саперы занимались восстановлением и укреплением опор, чтобы смогла пройти тяжелая техника... По другим дорогам эту реку не форсировать, она неглубокая, танки могут пройти вброд, но есть омуты, а проводить разведку водной преграды некогда...

Это были очень ценные сведения! Жалко только, их источник имел незначительное звание, не обладал нужной компетенцией и вообще мог врать! Полученные данные нуждались в проверке, хотя теперь Шубин точно знал, с какого населенного пункта следует начать обход.

— Вы уверены, герр Гюнше, что ваши офицеры говорили именно о селе Старшиново? — вежливо и вкрадчиво осведомился Глеб. — Хорошо подумайте, еще раз вспомните...

— Да, это так, майор Шлезингер и гауптман Андерс упоминали именно это поселение, его используют как промежуточный пункт для движения на восток — с целью обхода фланга отступающей русской дивизии... — В глазах фельдфебеля поблескивал тоскливый матовый огонек.

— Ну, смотри, дружок, — Шубин понизил голос, — если соврал, найду на том свете и еще раз убью.

— Послушайте, вы обещали оставить меня в живых... Я больше ничего не знаю, у меня семья, я придерживаюсь социалистических взглядов... — угасающим голосом забормотал немец.

— Конечно, конечно, — задумчиво кивнул Шубин. — Вся ваша армия — оплот трудовой демократии и сторонники Третьего коммунистического интернационала. Мы об этом прекрасно знаем...

— Товарищ лейтенант, немцы подъехали, — шепотом известил Герасимов.

Новость была досадной, но не сюрприз. Давно уже пора. Взрыв гранаты не могли не слышать в селе. Пленник напрягся, забегали глаза. Шубин ударил в челюсть. Фельдфебель клацнул последними зубами и потерял сознание. Лейтенант перебежал, вскарабкался на склон. На востоке имелась еще одна дорога — она терялась за возвышенностью, а на севере проходила через село. С проезжей части съехал двухтонный

«Опель Блиц» — из выхлопной трубы, как из паровозной топки, вырывался черный дым. Машина не успела остановиться, а из нее уже посыпались солдаты в легких шинелях, вооруженные карабинами. Спрыгнул с подножки белообрый лейтенант, побежал к канаве, расстегивая кобуру, со злостью уставился на мертвых солдат. Потом он что-то бросил плюгавому унтеру. Тот завертелся, как морфинист в угаре, выкрикивая команды. Часть солдат развернулась в цепь, двинулись на холм.

— Подумаешь, двое мертвых, — фыркнул Кошкин, — такой кипиш, словно мы тут Гитлера прибили...

Унтер продолжал разоряться. Двое солдат спрыгнули в канаву. Донесся испуганный вскрик — очевидно, гадюка никуда не делась. Один из солдат пулей вылетел из канавы. Второй запнулся, когда вылезал, скатился обратно. Смех его товарищей оборвал злобный выкрик лейтенанта. Пятеро выстроились в шеренгу и двинулись на запад, к проселочной дороге, за которой пролегал балка.

— И что застыли, как на партсобрании? — зашипел Шубин. — Любим проблемы, товарищи разведчики? А ну, пошли отсюда! Да головы прячьте...

Бойцы скатились на дно балки. В запасе оставалась минута, а если немцы в качестве раз-

нообразия перейдут на бег, то и того меньше! Пленный Гюнше тоже не дремал. Последней зуботычины оказалось недостаточно, чтобы отправиться в заоблачный мир. Немец пришел в себя, быстро сориентировался. И когда разведчики пришли в движение, он уже уносился прочь. Не уследили! У семи нянек, как всегда... Осталось утешаться, что немец убежал как раз в нужном направлении! Люди, чертыхаясь, припустили за ним. А немец уже разобрался в ситуации. Свои же совсем рядом! Он набрал воздуха в легкие, чтобы закричать, но только закашлялся. Второй вариант, тоже верный — сменил направление и стал взбираться на склон. Оступился, съехал, снова полез. Над ухом лейтенанта просвистел нож — красноармеец Кошкин метнул на бегу. Вот уж действительно талантлив во всем! Лезвие вонзилось фельдфебелю под ребро, он задохнулся, упал на колени. Когда к нему подбежали, немца била крупная дрожь. Красноармейцы пробежали мимо, некогда останавливаться. Впрочем, Кошкин нагнулся, выдернул нож, прыжками припустил за товарищами...

Группа вбежала в лес, когда шеренга солдат добралась до балки, где и обнаружили умирающего сослуживца. Вспыхнула «сорочья ярмарка», загремели выстрелы. Погоня была не за горами. Вряд ли немцы видели разведчиков, могли лишь догадываться, в каком направле-

нии они скрылись. Люди бежали в размеренном темпе, берегли дыхание. Овраг втянулся в осиново-березовый лес, и оставалось лишь молиться, чтобы этот лес не оказался перелеском! Но чаща уплотнялась, овраг сгладили. Проход загородил валежник. Его растоптали за считанные секунды, бросились дальше, пробились через малинник, обросший почерневшими плодами. Шубин дал команду «стой!», приложил палец к губам. Сборную радиостанцию несли в двух мешках, но тяжесть все равно была приличной. Герасимов сбросил свою поклажу, перевел дыхание. Шлыков прижался с вещмешком к дереву, дышал как загнанная лошадь. Немцы не собирались спускать это с рук. Несложно вычислить, куда побежали русские. Доносились отдаленные крики, снова захлопали выстрелы. По сусликам стреляли?

— Немцы на хвосте, товарищ лейтенант, — прокомментировал Герасимов. — Их, в принципе, немного... — И задумчиво уставился в темное пространство леса.

— Нас еще меньше, — отрезал Шубин. — Никаких стычек и тем более геройства. Озабочьтесь выполнением задания, товарищи — от которого, без преувеличения, зависит судьба дивизии.

— Мы озабочены, товарищ лейтенант, — уверил Шлыков, — вы даже не представляете, как мы озабочены...

— Тогда слушай приказ. Приготовиться к бегу. От немцев надо оторваться. И пока мы это не сделаем, привала не будет. Направление — северо-восток. Пошли...

Не менее получаса ушло на покорение нелюдской чащи. Осинник стужился, вереницей тянулись овраги. Ноги вязли в корнях и буреломе. Листва устилала землю, маскировала природные ловушки. Так не хватало лиственного покрова, чтобы чувствовать себя в безопасности! Из пятого по счету оврага Шлыков с Герасимовым выбраться уже не могли, ноги заплетались, руки судорожно искали, за что схватиться.

— Меняемся, — приказал Шубин. — Снимайте рацию, мы с Кошкиным понесем. Чего так скуксился, Алексей? Это была разминка, а теперь придется поработать...

Двенадцать килограммов за плечами тянули к земле, путались ноги. Компактными средствами связи войска не обеспечивали. Да их и не было в природе — чай, не американская армия! Пехотная коротковолновая радиостанция 12-РП состояла из упаковок приемопередатчика и блока питания. Первая весила 12 килограммов, вторая — на килограмм больше. Умельцы в полку пытались облегчить вес, но многого не добились. Пришлось перешивать вещмешки, делать специальные ляжки, чтобы вес распределялся

по телу. Мобильность падала, но зато средство связи всегда находилось под рукой. Питание осуществлялось от сухих батарей и аккумулятора. Штыревая антенна из шести колен позволяла осуществлять телефонную и телеграфную связь.

Силы подходили к концу. Лес вставал стеной, он и не думал кончаться. Глеб опустил на колени, прижался плечом к дереву. Кошкин повалился неподалеку, чуть не раздавив муравейник. Люди застыли, напряженно вслушивались.

— Вроде тихо, товарищ лейтенант, — неуверенно предположил Герасимов. — Немцы не дурные в такую глушь соваться. На это только мы способны...

— А немцы просто окружают лес и будут спокойно ждать, пока мы выйдем, — усмехнулся Кошкин. — В общем, не дадут нам побезобразничать...

— Не окружают, — возразил Глеб. — Немцам не до этого, и не так их много в данном районе. Привал пятнадцать минут. Потом продолжаем безобразничать. Рацию понесут Шлыков и Герасимов.

— Вот это мы одобряем, — обрадовался Кошкин, — пусть тащат, мы же не ишаки...

Голова кружилась, кривые перекрученные ветки дрожали перед глазами. Щерила бездонную пасть гигантская гадюка, разукрашенная

ромбическими узорами, поблескивали бусинки глаз...

Разведчики повалились трупам. Но вот кто-то начал шевелиться, нагребая на себя листву.

— Серега, у тебя штаны на заднице разошлись, — слабым голосом сообщил Кошкин. — Прямо по шву, надо же, какая незадача...

Герасимов охнул, стал себя ощупывать — и никак не мог отыскать пресловутую дырку.

— Пошутил я, Серега, — подленько захикивал Кошкин, — шуток не понимаешь? Это я бодрость духа и тела в тебе поддерживаю.

— Да крыл я тебя нехорошими словами, — проворчал Серега, принимая горизонталь на ложе из опавшей листвы. — Ладно, Кошкин, живи, в следующий раз сочтемся...

Погоня отстала. Разведчики наслаждались покоем, не замечая, как от земли исходит холодок. В такие минуты они готовы были лежать даже на ледяных торосах.

— Лепота какая... — простонал Кошкин. — Товарищ лейтенант, а давайте отдохнем не пятнадцать, а двадцать минут? Зато потом так побегим — никакая пуля не остановит.

Шубин не ответил, волной накатывалась дремота, и бороться с ней было труднее, чем с фашистским нашествием.

— В баньку бы сейчас... — монотонно пробубнил Кошкин, — на камешки плеснуть во-

дичку, чтобы пожарче было, веником нахлестаться... А потом самогонки с огурчиком, эх... А еще Наталью Юрьевну из медсанбата пригласить с нами помыться — чего ей там в лазарете без дела сидеть...

Он слишком явственно представил картину — застонал от вожделения. Беспokoйно заворочался Герасимов — словно вирус передался от товарища.

— Леха, ты должен меньше хотеть, — справедливо заметил Шлыков. — Давай уж либо про баню, либо про самогон с огурчиками. А про Наталью Юрьевну вообще забудь, ее батальонный комиссар товарищ Амосов использует по назначению, и никто не слышал, чтобы он предлагал вставать за ним в очередь.

— Петр Анисимович, ну дай помечтать, — взмолился Кошкин, — что ты, как бабай какой-то...

— Товарищ лейтенант, заткните Кошкина, он плохо на нас влияет, — попросил Серега.

— Кошкин, заткнись...

Наступила тишина. Люди и события метались перед глазами. Крупным планом возникло лицо Лиды Разиной — вычеркнуть ее из памяти было невозможно. Полевая почта худо-бедно работала, письма доходили — хотя, возможно, и не все. Он писал, что живой, пусть не волнуется. Что с ним может случиться? Даже думать об этом

абсурдно — человек грамотный, есть голова на плечах, да и служба — не тупо ходить в атаку, а проявлять творчество, воображение и фантазию. А если письма где-то задерживаются, то такая почта в армии. Пусть не волнуется и себя бережет! По последним данным, девушка по-прежнему находилась в Вязьме, работала в госпитале. Письма становились короче — но не оттого, что ей наскучили переписка и адресат. В скупых строках сквозила безмерная усталость. Поток раненых с каждым днем становился больше, военная медицина уже не справлялась. Привлекались гражданские специалисты, но и это мало помогало. В Вязьму направляли только «тяжелых», и все равно госпитали трещали по швам. Люди умирали в коридорах, на лестничных площадках между этажами. Персонал зашивался, времени для отдыха не оставалось. Все это походило на какую-то безумную эпидемию — разве что зараза не передавалась от человека к человеку. Стратегически важный городок на востоке Смоленской области находился под контролем советских войск, и отдавать его фашистам никто не собирался. Но горький опыт уже имелся. За два с половиной месяца войны войска откатились в глубину советской территории, фашистские орды едва успевали занимать города. Прошел без малого месяц после успешной Ельнинской операции. Про эту победу уже забыли,

Ельню снова отдали. Наступательная операция группы армий «Центр» под условным названием «Тайфун» была в разгаре. Советское командование допустило грубый просчет. Предполагалось, что противник на московском направлении нанесет удар по центру — вдоль шоссе Смоленск—Вязьма. Здесь располагались основные силы — шесть общевойсковых армий, несколько кавалерийских дивизий, четыре укрепрайона, танковые и механизированные бригады. Это была невиданная сила, способная дать отпор любому захватчику. Как немцам удалось перехитрить командование? Вся военная мощь осталась невостребованной, немцы ударили севернее — из района Духовщины и на юге — от Рославля. На этих участках они создали численный перевес — в людях, танках, орудиях, самолетах. Наступление стало полной неожиданностью. Красная Армия откатывалась, немцы проходили в день по тридцать—сорок километров, нанося фланговые удары, окружая части и целые соединения. Три недели назад в 303-й стрелковой дивизии полковника Моисеевского, где в 845-м полку проходил службу Шубин, насчитывалось без малого три тысячи человек — примерно треть от штатного состава. Дивизии придали два артиллерийских дивизиона, пару укомплектованных пехотных батальонов. Это была небольшая, но сила. После операции под Ельней дивизия перешла в

оборону и полмесяца держала позиции, неся незначительные потери. После «одиссеи» по вражеским тылам в районе выступа выжили, помимо Шубина, трое разведчиков — Шлыков, Глинский и Герасимов. Через неделю боев от взвода осталась дюжина. Практически ежедневные вылазки во вражеский тыл не могли пройти даром. Пополнение не поступало, а ряды «старой гвардии» катастрофически редели. Погиб Глинский — получил ранение в живот, вцепился в березу, когда его хотели на себе тащить в тыл: все равно помру, и вы помрете, а так хоть фрицев задержу! Спорить с ним было бесполезно — уперся как баран, а время шло на секунды. Противотанковую гранату, которую ему напоследок сунул Шлыков, разведчик использовал с пользой — стонал, подавал знаки подходящим немцам. А когда фрицы, посмеиваясь, окружили его, произвел подрыв, да такой, что разнесло половину леса, а выжившие фашисты бежали, как от чумы. Можно представить, как хреново было Глинскому умирать в одиночку... Несколько дней назад противник прорвал оборону Западного фронта в районе Рославля и двинулся к Москве. Дивизию передали в подчинение 49-й армии и приказали следовать к станции Спас-Деменск — с последующей отправкой на юго-запад. Эшелоны подготовили, выдвижение заняло чуть более суток. Дивизия сосредоточилась в районе

Ивановки — Заднего Починка, спешно зарывалась в землю. 845-й полк полковника Рехтина находился на северо-западном фланге. Возвели укрепления, провели рекогносцировку местности. Немцы приближались. Воспользоваться выстроенным рубежом так и не успели. Комдив Моисеевский получил приказ сниматься с позиций и в организованном порядке отходить на северо-восток, к Вязьме. Именно это сейчас и происходило — дивизия пятилась, с трудом сохраняя боевые порядки, заслоны и арьергарды оказывали отчаянное сопротивление. Вчера погибла половина командного состава 845-го полка — немцы сбросили десант, он прорвался к штабу части на окраине какой-то безымянной деревушки. Завязалась потасовка, практически в полном составе погиб взвод охранения. Комсостав отстреливался из окон, но кончились патроны. Взвод полковой разведки в количестве двенадцати человек прибыл на выручку гибнущему штабу весьма своевременно — еще минута, и выручать бы стало некого. Бойцы высадились из побитого пикапа ГАЗ-4, обошли немцев. Парашютисты тоже понесли потери, но боевой дух не растеряли, готовились к броску. В пикапе остались только водитель и рядовой Калининченко с ручным пулеметом Дегтярева. Машина вырвалась из крайнего переулка, встала боком. Водитель спрыгнул в кювет. Собравшиеся на

штурм парашютисты попали под кинжальный пулеметный огонь, бросились спасаться в укрытиях, но с тыла их радушно встретили автоматчики Шубина — и все полегли на пустыре, никто не ушел. Шубин потерял двоих, в том числе красноармейца Калиниченко, принявшего огонь на себя. При атаке на штаб погиб комполка Рехтин — он до последнего отстреливался из служебного ТТ. Погиб заместитель начштаба по разведке капитан Муромцев. Выжил начальник штаба полка майор Лисовский. Когда Шубин вбежал в дом, где располагался штаб, там царил форменный кавардак. Лежали трупы бойцов и командиров, стонали раненые. Кто-то шатался из угла в угол, как сомнамбула. Бледный как смерть майор Лисовский ползал на коленях по полу, поддерживая падающие очки, собирал какие-то бумаги. Рядом валялся ТТ с пустой обоймой. Шубин помог собрать документы — безусловно, важные и необходимые. «Вот так и живем, лейтенант, — виновато улыбнулся начштаба. — Одной рукой бумажки подмахиваем, другой от немцев отбиваемся. Это накладные на горючее и продукты питания. Капитан Вахнин погиб, приходится теперь самому за снабжение отвечать...» За неимением других кандидатур интеллигентный майор Лисовский возглавил полк и, в принципе, справлялся. Положение на фронте становилось критическим,

немцы прорвались на севере и на юге. Дивизия отходила по проселочным дорогам. Полуторки вывозили раненых, тянули орудия двух артиллерийских дивизионов — их удалось сохранить для грядущих сражений. О переходе в наступление уже не мечтали. Части и соединения были разобщены, спешили быстрее уйти на восток, чтобы не попасть в окружение. Метались, как заведенные, посыльные из штаба — радиосвязь барахлила, телефонные провода перерезали немцы. Неприятель наступал на пятки, но пока в крупные сражения не ввязывался. Мотоциклисты обстреливали арьергардные подразделения и спешили ретироваться. А потом висели на хвосте, жужжали, как надоедливые мухи. 845-й полк был крайним на северном фланге, увяз в лесах и болотах. Ломались полуторки, матерились водители, пытаясь хоть как-то удерживать технику на ходу. Соседние полки тоже находились на марше, с ними поддерживалась связь. Ситуация еще не вышла из-под контроля, сохранялась видимость порядка. Паникеров и дезертиров расстреливали на месте — того требовала суровая действительность. На южном фланге было две попытки прорыва танковыми колоннами. В первом случае немцам помешали болото и отсутствие топографических карт. Во втором — нехватка горючего, что вынудило колонну встать. Потом «коллеги» из 849-го полка удачно по-

дорвали мост на пути следования колонны, и наступление вновь застопорилось, немцы искали объездные пути. На северном фланге дивизии Моисеевского тоже не происходило ничего хорошего. Поступили данные от армейской разведки: возможен прорыв бронетехники на севере — с дальнейшим заходом во фланг, а далее в тыл отступающей дивизии. И понять, чем это кончится, мог бы даже безграмотный возница из хозяйственной роты. К лейтенанту Шубину нагрянул вестовой: срочно вызывал командир полка. Майор Лисовский уже вживался в непривычную роль. Он сидел в побитом шрапнелью «газике», воевал с картой, которая мялась и не хотела расправляться. Майор ругался, используя исключительно цензурные обороты. Мимо по дороге шли усталые пехотинцы, равнодушно косились на своего пока еще живого «исполняющего обязанности».

— Не помню, лейтенант, выражал ли вам признательность за спасение штаба от полного разгрома? — Лисовский задумчиво воззрился на разведчика: — Ведь вы спасли от смерти не только меня...

— Не важно, товарищ майор, — улыбнулся Глеб, — разве это имеет значение?

— Вы правы, никакого. — Майор Лисовский обращался к подчиненным исключительно на «вы» — в чем не было зловещего подтекста,

просто издержки воспитания. — Помогите справиться с этой картой, я сейчас ее порву... Вот так, спасибо... Мы находимся вот здесь, за деревней Сивцево. На северо-западе, на месте этой дырки от пули — крупный населенный пункт Ярково. Это районный центр. Мы получили сообщение от армейской разведки: через Ярково прошла крупная танковая группа. Пересчитать не удалось, но это несколько танковых полков, и намерения у них самые серьезные. На восточной окраине Ярково формируется мощный броневой кулак. А теперь смотрите сюда... — Палец заскользил по перегибам карты. — Если немецкие танки выйдут к Неклидово и повернут на юго-восток, вся наша дивизия окажется в котле и шансов выбраться будет ноль.

— Убегать быстрее, товарищ майор? — выдвинул предложение Шубин.

— Ценю ваш юмор, товарищ лейтенант, — крикнул Лисовский. — И, зная ваши заслуги, рискну предположить, что это всего лишь юмор. Постарайтесь в дальнейшем воздержаться от подобных ремарок. В любом случае, быстрее танков мы бегать не умеем. Это только предположение, что немцы пойдут на прорыв, чтобы перекрыть нам дорогу. Но угроза существует, и ситуация вызывает крайнюю обеспокоенность. Других данных от армейской разведки мы не имеем. Связь утрачена — мы не знаем, что у них

происходит. Вероятно, уже и нет никакого штаба армии, гм... Это приказ из штаба дивизии — как можно быстрее прояснить обстановку и доложить. Наш полк в этом случае крайний — нам и работать. У полковника Моисеевского есть возможность перекрыть немцам дорогу — дивизия располагает несколькими артдивизионами и батареей зенитных орудий, которые можно выдвинуть на нужный рубеж...

— Что-то мешает это сделать уже сейчас? — не сдержался Глеб.

— Вы невнимательно смотрите на карту, товарищ лейтенант. Мы не знаем, по какой дороге пойдет немецкая колонна. Распылить силы они не станут — потом не соберут. Будут действовать единым кулаком. Незаметно выдвинутся по проселочным дорогам, и... Дальше сами делайте выводы. Авиационная разведка у нас отсутствует. Перекрыть всю полосу шириной в шесть километров наша артиллерия не сможет. Существует несколько параллельных большаков и ни одного шоссе. Но эти грунтовки пригодны для движения танков. Их три — все тянутся от Ярковского района в сторону Неклидово. Мостить засаду у последнего будет поздно — колонна уже выйдет на оперативный простор. Три большака, запоминайте — через Сельцево, Старшиново и Кудеяры. Возьмете рацию, пойдете на север. Опрашивайте местных жителей,

берите «языков». Уверен, отдельные части уже вошли в район и стоят в населенных пунктах. Нам нужно знать, какой дорогой пойдет танковая колонна. Надеюсь, она еще не прошла, и мы имеем в запасе немного времени. Вам нужно освоить не меньше пятнадцати километров. Самый короткий путь — через Кудеяры, но дорога разбитая. У Старшиново — неплохая грунтовка, но мы не знаем, в каком состоянии мост через Ибирь. Скорее всего, он подорван, но немецким саперам несложно его восстановить или поставить понтоны. Дорога через Сельцево — наиболее длинная, но мы не знаем, что у немцев на уме, возможно, используют именно ее. Задание срочное, выступайте немедленно. Много людей не берите — только самых надежных. Вам в помощь выделен ГАЗ-64, приписанный к взводу связи, сейчас связисты его подгонят...

— А вот за транспорт огромное спасибо, товарищ майор, — заулыбался Глеб.

— Да бросьте, — отмахнулся Лисовский. — Это необходимость, меньше всего меня волнуют ваши удобства. Нет времени, а крюк предстоит сделать приличный. Связисты уверяют, что бензин в баке есть, но вы на всякий случай проверьте. Карта местности у вас имеется?

— Так точно, товарищ майор.

— Отлично. Действуйте, лейтенант, не тяните резину, в вашем распоряжении от силы

шесть часов. Используйте полевые и лесные дороги, их хватает, а осенняя распутица еще не началась. При отсутствии дорог... действуйте без дорог, машина стерпит. Будьте осторожны, на рожон не лезьте — немцы уже в районе. Помните, что от ваших действий зависит судьба дивизии. Да разрази их гром! — культурно выругался комполка. — Где эти связисты с «газиком»?

Командир последних лейтенант Янковский прощался со своей машиной, как с родным дитятей — чуть не плакал, волком смотрел на Шубина. На все уверения, что машина не пострадает, он только фыркал и сокрушенно вздыхал. Видно, чувствовал, что уже не увидит своего быстрого друга. Дальнейшая жизнь показала, что его предчувствия имели все основания. «Газик» прыгал по опушке, объезжая ямы и поваленные деревья, миновал, как по асфальту, поросшую травой балку. За машиной связисты ухаживали, двигатель работал нормально. Большак от Кудеяров до Окольного был пуст, но пришлось загнать машину за горку, чтобы пропустить колонну мотоциклистов. Мотоциклы БМВ грохотали, как щебеночный карьер, борющийся за невыполнение плана. Разведчики двинулись в западном направлении — благо время позволяло. Танки здесь не проходили — иначе раскромсали бы дорожное покрытие. В маленькой деревне у дороги испуганные сельчане это подтвердили:

крупную технику не видели ни вчера, ни сегодня. Утром сквозь деревню проехали мотоциклисты в иноземной форме, особо не шалили, разве что раздавили пару кур и освистали местную «красавицу» Вальку, так не вовремя собравшуюся по воду. С девицей после этого чуть удар не приключился, но захватчиков уже и след простыл. «Может, больше не придут, а, товарищи военные?» — слезно вопрошал морщинистый старик. «Придут, отец, — вздыхал Шубин, — таков уж текущий исторический момент — немцы пока сильнее. Но это ненадолго, товарищ. Красная Армия скоро развернется и покажет им кузькину мать». Врать местному населению становилось нормой. Люди хоть немного успокаивались. Ехать дальше на запад не было смысла. Шубин остановил машину на вершине холма, господствующего над местностью. Лента дороги убегала на запад. Отметилось еще одно мотоциклетное подразделение в трех верстах и колонна грузовиков для перевозки личного состава. Танковая колонна, воспользуясь она этой дорогой, давно бы прошла. Ругаясь, что потеряли время, Шубин съехал с холма и направил машину на север по «козьей» тропе. В трех верстах на северо-востоке было село Кольцово, еще дальше — грунтовка, связывающая Старшиново с Неклидово. Несколько раз подмечались серые шинели вермахта — то на мотоциклах, то на легких бронев автомобилях. Но вся-